

УДК 316
DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.4

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ: КУЛЬТУРНО-
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ
МОДЕРНИЗАЦИИ¹**

**NATIONAL RUSSIAN SYSTEM
OF PUBLIC
ADMINISTRATION:
CULTURAL
AND WORLDVIEW
FOUNDATIONS
FOR MODERNIZATION**

Воденко Константин Викторович

Доктор философских наук,
профессор Южно-Российского
государственного политехнического
университета (НПИ) имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск,
e-mail: vodenkok@mail.ru

Konstantin V. Vodenko

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Platov South-Russian
State Polytechnic University (NPI),
Novocherkassk,
e-mail: vodenkok@mail.ru

Цель статьи заключается в исследовании культурно-мировоззренческих оснований модернизации национальной российской системы государственного управления. Систематизированы теоретические основы и методы исследования модернизации российской системы государственного управления; проанализированы культурно-мировоззренческая специфика государственной власти и перспективы ее десакрализации в российских условиях. Методология изучения проблемы представлена структурно-функциональным подходом, «пони-

The purpose of the article is to investigate the cultural and philosophical foundations for the modernization of the national Russian public administration system. The theoretical bases and methods of research of the modernization of the Russian system of public administration are systematized; the cultural-ideological specifics of state power and the prospects for its desacralization in Russian conditions are analyzed. The methodology of study the problem is represented by the structural and functional approach, M. Weber's "understanding sociology", institutional theory (D. North, etc.) and

¹ Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук на тему «Культурно-мировоззренческие основания формирования национальной модели регулирования социально-экономической и научно-инновационной деятельности» (МД-651.2017.6).

мающей социологией» М. Вебера, институциональной теорией (Д. Норт и др.) и теорией институциональных матриц, получившей обоснование в работах С.Г. Кирдиной. В заключение делается вывод о том, что для повышения эффективности российской системы государственного управления в стратегической перспективе необходимо внедрять институциональные практики менеджмента, ориентированные на десакрализацию и рационализацию власти в интересах развития гражданского общества.

Ключевые слова: государственное управление, экономика, сакрализация, менеджмент, синкретизм власти, собственности и управления, служебный труд, средний класс.

the theory of institutional matrices, which was substantiated in S.G. Cyrdina's works. It is concluded that in order to increase the effectiveness of the Russian public administration system, it is necessary to introduce institutional management practices in the strategic perspective aimed at the desacralization and rationalization of power in the interests of civil society development.

Keywords: public administration, economics, sacralization, management, syncretism of power, property and management, official work, middle class.

Введение

Специфика развития российского общества определяет особенности осмысления проблемы возможной модернизации системы государственного управления, что связано с институциональными процессами трансформации власти, происходящими в условиях усиления рисков, связанных с глобализацией и противоречиями мировой геополитики. Складывавшиеся веками базисные институциональные матрицы и культурно-мировоззренческие особенности российской реальности продолжают воздействовать как на экономическую деятельность, так и на политические практики, поддерживая воспроизводство устоявшихся норм управления.

Вместе с тем длительный этап авторитарного управления в стране сформировал особую культуру подчинения власти, основанную на распространенном в общественном сознании представлении на уровне довольно устойчивых мировоззренческих паттернов о том, что модернизировать властные институты в сторону значительно большей демократизации в России крайне трудно.

Развитие российской системы государственного управления опирается на определенные культурно-мировоззренческие аспекты господства, которые могут также претерпевать изменения и соответствующую коррекцию в согласии с требованиями текущего социального проекта. Процессы мировой конкурентной борьбы усиливают давление на отечественную систему государственного управления, в результате чего возрастает потребность во внедрении эффективных практик менеджмента. Вместе с тем росту эффективности управления в России

мешает специфика национальной бюрократии, которая в последнее время последовательно ориентировалась в большей степени не на рационализацию, а на сакрализацию власти [9].

Несмотря на ряд существенных институциональных преобразований последних трёх десятилетий, где основополагающим стал процесс приватизации собственности и появления крупных отечественных корпораций, страна всё ещё продолжает отставать от развитых стран в плане обеспечения эффективного функционирования правовых институтов и институтов управления.

Теоретические основы и методы исследования модернизации российской системы государственного управления

Исследование культурно-мировоззренческих оснований модернизации национальной российской системы государственного управления в условиях российского общества базируется на различных теоретико-методологических подходах. Наибольший интерес представляет, в частности, «понимающая социология» М. Вебера, позволяющая осуществить исследовательский поиск основных культурно-мировоззренческих детерминант, воздействующих на процессы реформирования отечественной экономики и системы государственного управления. Так, специфика рационализация власти, формирования бюрократического этоса и форм легитимации власти подробно анализировалась в работах М. Вебера. В рамках его «понимающей социологии» возможно исследование влияния российской политической культуры, в течение длительного исторического периода формировавшейся в условиях авторитаризма, на практики управления. В то же время использованы концептуальные элементы марксистской теории, позволяющие в работе эксплицировать определенные классовые противоречия современного российского общества.

В рамках настоящего исследования необходимо использовать структурно-функциональный подход, представленный в фундаментальных трудах Т. Парсонса и Н. Смелзера, в рамках которого был проанализирован конструкт обратной связи между различными подсистемами российского общества, в частности институтами национальной культуры, политики, экономики и управления.

Особую методологическую роль для данного исследования имеет неoinституционализм, базирующийся на работах зарубежных (Д. Норт, К. Поланьи, П. Дэвид и др.) и отечественных (С.Г. Кирдина, О.Э. Бессонова, Р.М. Нуреев, В.В. Радаев и др.) исследователей, позволивший проанализировать исторические предпосылки существующих в стране институтов, во многом детерминирующих экономиче-

ское развитие на основе мировоззренческих факторов, требований материальной среды и эффекта тропы (path dependence).

Принципиальная методологическая роль в исследовании отведена институциональной X, Y-теории С.Г. Кирдиной, являющейся разновидностью неинституционализма. Эта теория позволяет произвести системный анализ культурно-мировоззренческих оснований и детерминант социально-экономической деятельности и управления в России сквозь призму взаимодополняющих друг друга ведущих институциональных (X, Y) матриц, взаимодействующих в конфигурации «доминантность – комплементарность». Данные матрицы обладают качествами «суперформаций» и «камуфляжными» способностями, которые позволяют им сохранять свои (цивилизационные) свойства на различных исторических этапах развития (включая современность) и эксплицироваться для российской действительности. Данная теория открывает возможность проанализировать перспективы эволюции российской системы государственного управления в контексте диалектического взаимодействия существующих институциональных матриц.

Изучение государственного управления с учётом макроисторических процессов рассматривалось в произведениях Р. Коллинза, представляющих определенный интерес для настоящего исследования.

Государственная власть в России: социокультурная специфика

После распада СССР были созданы предпосылки для развития экономики капиталистического типа и становления гражданского общества с опорой на демократизацию ведущих политических институтов. Однако, несмотря на ряд экономических и политических реформ в сфере организации труда, социальной поддержки населения и внедрения эффективных правовых институтов, страна продолжает в определенной мере отставать от ведущих государств мира [14].

Доверие к крупному бизнесу и владельцам частной собственности продолжает оставаться на низком уровне, что оказывает существенное влияние на восприятие гражданами всей системы национального капитализма. В случае, если на рынке существует дефицит институциональных гарантий правовых основ собственности, происходит непомерный рост транзакционных издержек, в результате чего рынок перестаёт эффективно распределять ресурсы [11]. Проводившиеся в стране социологические исследования показывают, что большинство россиян по-прежнему воспринимают итоги приватизации 90-х гг. прошлого века как исключительно несправедливые, что создаёт до-

полнительное внутреннее давление на легитимность не только института частной собственности, но и всей властной иерархии [5].

Значит, доверие к власти выступает неотъемлемым условием социальной солидарности и эффективного управления в сфере инновационного развития. Поэтому власть должна предполагать в качестве своей основы справедливость как условие формирования целостных правовых отношений [12]. Таким образом, внедряемые новые либо модернизирующиеся институты обязательно должны, на наш взгляд, признаваться населением или по крайней мере его значительной частью легитимными, исходя из сложившихся, в первую очередь культурных, предпосылок [10]. В целях теоретического анализа рассматриваемой проблематики использована не потерявшая своей эвристической ценности веберовская теория, предлагающая трёхчленную типологию легитимизации власти [2]. Собственно институты в качестве необходимого условия собственного функционирования всегда предполагают легитимность и минимальный уровень доверия к ним со стороны общества [13].

На особенности государственного управления в России продолжает оказывать влияние противоречие, существующее между либеральной теорией и укорененными в структурах отечественной власти практиками идеократического господства. Именно доступ к власти выступает главным источником достижения благосостояния и обеспечивает защиту частного бизнеса и собственности. При этом с нулевых годов XXI в. правящие верхи успешно освоили имперский (государственнический) дискурс в качестве основного идеологического инструмента воздействия на массы. Акцентирование внимания правящей власти на важности так называемых традиционных (консервативных) ценностей в целях воспитания граждан страны в духе патриотизма может превратиться в ритуализированную риторику, призванную скрыть структурные противоречия в экономике и низкий уровень эффективности управления.

Функционирование российской системы государственного управления основывается на определенных культурно-мировоззренческих паттернах, которые могут также трансформироваться и претерпевать соответствующую коррекцию в согласии с требованиями текущего социального проекта. Вместе с тем модернизация национальной системы государственного управления предполагает создание условий, при которых бюрократический аппарат исполнительной власти будет существенно дистанцирован от прямого вмешательства в деятельность крупных корпораций и будет снижен диктат в отношении малого и среднего бизнеса. При этом ещё только необходимо обеспечить авто-

номию судебной власти, способной принимать независимые решения, ориентированные прежде всего на конституцию, а не интересы властных элит.

Обращаясь к опыту модернизации российского общества, можно заметить, что преобразования в нашей стране зачастую носили революционный характер, т. е. осуществлялись путём рывков, которые часто сопровождаются надрывами и надломами прежних укладов, считавшихся традиционными. В качестве наиболее ярких примеров рывков, т. е. по сути революционных преобразований, сопровождаемых надломами прежних традиций, можно вполне привести реформы как Петра Великого, так и большевиков.

Вместе с тем революционные изменения, происходившие в российском обществе после осуществления ряда удачных реформ, всегда вступали во взаимодействие с мощными комплексами традиционных мировоззренческих (коллективистских, патерналистских) представлений о власти, управлении и хозяйствовании, сталкивались с инерцией бытовой культуры прошлого. Поэтому даже признанная, обладающая реальным авторитетом власть в России, как правило, носила либо харизматический, либо традиционный характер. Отсюда, во-первых, проистекает зачастую авторитарный характер российской правящей элиты, поддерживаемый главным образом легитимациями традиционного и харизматического типа. Во-вторых, в российском обществе наблюдается дефицит легального порядка, что выражается как в зависимости и слабости судебной власти от исполнительной, так и в отсутствии целостной программы эволюционной модернизации.

Проведенный анализ социально-трудовых отношений в российском обществе с опорой на фундирующие их культурно-мировоззренческие основания показал, что особую роль в системе трудовых интеракций в России играет институт служебного труда, существование которого связано с общим редистрибутивным характером национальной институциональной матрицы. Можно говорить о том, что российское общество характеризуется наличием ярко выраженных форм служебного труда, способствующего формированию специфической модели социально-экономического развития и государственного управления. Поэтому ценностные установки россиян в большей степени предполагают сосуществование с властью и сложившимися формами управления. Зависимость большинства граждан, в том числе и значительной части представителей среднего класса, приводит в определенной мере к дефициту социально-политической субъектности [4].

Ведущий тренд модернизации, связанный с совершенствованием национальной модели управления социально-экономической деятель-

ностью, предполагает повышение субъектности среднего класса в силу роста общего уровня транспарентности и сокращения влияния «серой зоны». В связи с тем, что функционирование института служебного труда в российском обществе во многом связано с базовой институциональной (X) матрицей, его влияние будет продолжать сохраняться, особенно для слоёв населения, чья экономическая деятельность связана с государственной службой.

Национальный средний класс представляет в значительной степени гетерогенный срез населения, включающий в себя ядро и периферию, опору которого составляют высокообразованные горожане со средним доходом, профессионалы, занятые в сфере главным образом умственного труда и обладающие высокой степенью самоидентификации, способствующей самоуважению. Российский средний класс по сравнению с западными аналогами формировался в других исторических и политических условиях, а главное – в иных хронологических границах. Вплоть до большевистской революции, несмотря на модернизацию страны, в России так и не было сформировано буржуазное общество, соответствующее стандартам развитых стран Запада.

Необходимо учитывать исторически обусловленную двойственность среднего класса (буржуазии), который может выступать оплотом стабильности и порядка при условиях классового компромисса и повышения благосостояния и, напротив, выполнять роль субъекта буржуазных (гражданских) революций при наличии острого кризиса в системе распределения ресурсов, власти и управления. Геополитическое давление извне способно только усилить наметившиеся тенденции, особенно при наличии обостренных противоречий и конфликтов среди элит [8]. При общем падении бытового потребления отказ от прежних практик консюмеризма способен привести к фрустрации значительных групп населения, в особенности из среды среднего класса, что уже сейчас способствует понижению его уровня лояльности по отношению к действующей власти. Пожалуй, средний класс, обладающий высоким уровнем правосознания и способностью к частной инициативе, сохраняет протестный потенциал.

Перспективы десакрализации государственной власти в России

Центр власти в России в значительной степени сакрализован, порой он воспринимается как благо или дар свыше. При этом в массовом сознании превалирует страх лишиться государственного суверенитета, если вдруг властная иерархия начнёт ослабевать, а сама система властных отношений может быть резко децентрализована в

ущерб территориальной целостности страны. Поэтому экономические и политические субъекты в подобной системе должны взаимодействовать между собой при обязательном условии прохождения через центр согласований, сходной с моделью *storage-cum-redistribution*, описанной К. Поланьи [15], применительно к системам редистрибутивного типа. Очевидно, что структуры российской власти довольно сильно иерархизированы, это существенным образом препятствует интенсификации гражданской инициативы и постоянной коммуникации чиновников с активным населением страны, заинтересованным в реальных модернизационных преобразованиях.

Сакральность российской верховной власти во многом обусловлена сложившимся коммунальным характером институциональной матрицы и фактом признания населением страны института назначения в ущерб институту демократических выборов, затрудняет контроль за деятельностью высокопоставленных менеджеров, распорядителей государственных корпораций [1]. Это свидетельствует в пользу существования особой властной традиции, где правитель воспринимается как Богом данный царь, который обладает таким символическим капиталом, который препятствует впадению государства в хаос. По сути дела, в российской системе государственного управления, что особенно заметно в отношении первого лица, продолжает воспроизводиться православно-византийская эсхатологическая идея о правителе как катехоне (греч. *ὁ κατέχων* – «удерживающий»), т. е. сакральном деятеле, удерживающем государство от распада в результате воздействия «тёмных» сил. Отсюда проистекают конспирологические представления, распространённые в среде россиян о заговоре именно против России (и православного христианства) со стороны коллективного Запада.

Таким образом, директивное управление центральной власти носит редистрибутивный характер и приводит к перераспределению финансовых ресурсов между российскими регионами крайне неравномерно, исходя главным образом из политических предпочтений, а не экономических требований. Однако модернизация страны предполагает своего рода секуляризацию – «расколдовывание» власти в духе практик эффективного менеджмента, подконтрольных институтам гражданского общества.

Принцип субсидиарности на практике реализуется в системе национального управления далеко не полностью, что обусловлено жёсткой финансовой зависимостью субъектов Федерации и муниципальных образований от центральной власти. Применение эффективных практик менеджмента как в государственном, так и в частном секторе носит случайный и очень сегментированный характер, о чём сви-

детельствуют проблемы российской экономики последних лет. В результате некоторым гражданам страны приходится в поисках правды постоянно апеллировать к вышестоящим властям, как бы минуя низовой и средний уровни управления, используя для этих целей так называемый институт обращений по инстанциям [6].

Основные паттерны формирования и развития российской национальной модели управления социально-экономической деятельностью во многом сохраняют черты «обобществленного» социума, испытывающего проблемы с легитимацией частной собственности, и укоренены в структурах отечественных властных практик, функционирующих на основе идеократического господства, несмотря на имеющее место обращение к либерализму. Данные паттерны по-прежнему связаны с особенностями превалирующей в российском социуме институциональной матрицы, в базисных институтах которой взаимодействие и контроль осуществляются на основе синкретизма власти, собственности и управления, который во многом является воспроизводством не только советских, но и докапиталистических форм господства [3]. Подобная ситуация не гарантирует полноценных прав частной собственности, притом что крупная собственность может приобретаться главным образом при наличии существенного административного ресурса и также внезапно «исчезать» в случае прекращения политической поддержки [7].

Заключение

Кризисные тенденции последних лет, в значительной степени связанные с проводимой санкционной политикой западных стран в отношении России и внутренними структурными проблемами, существенно обнажили изъяны национальной системы государственного управления, среди которых можно в первую очередь указать на общую ригидность отечественной системы управления; дефицит демократических форм управления на всех уровнях принятия решений; оторванность высших чиновников от низовых звеньев управления; нехватку полноценного контроля корпуса высокопоставленных российских чиновников со стороны институтов гражданского общества и их персональной ответственности за неэффективное использование бюджетных средств; усиление формальной рациональности в ущерб рациональности субстанциональной; кризис стратегического планирования и отсутствие видения перспектив будущего развития общества.

Зависимость значительной части российского общества от редистрибутивной системы национальной экономики, отсутствие политических перспектив и доминирование социокультурных практик служеб-

ного труда существенным образом гасят политическую активность среднего класса. Вместе с тем, не игнорируя институциональные детерминанты (особенности институциональных матриц) развития российского общества, необходимо отметить формирование в среде российского класса инновационных ценностных ориентаций в отношении взаимодействия государства и гражданского общества.

Таким образом, следуя во многом X, Y-теории С.Г. Кирдиной [6], можно выделить несколько фундаментальных периодов эволюции российской системы государственного управления.

Первый этап преобразований пришёлся на 90-е гг. прошлого века, и в реформах данного исторического периода наиболее отчетливо проявились тренды институциональной вестернизации (Y-матрицы), в экономике – приватизация при сокращении государственного вмешательства в дела крупного частного капитала, в политике – федерализация, в идеологии – плюрализм мнений на фоне активного внедрения ценностей индивидуализма и универсализма. Вместе с тем необходимо отметить, что первый этап модернизации происходил в условиях массовой криминализации всего российского общества, притом что многие процессы, связанные с применением практик либерального управления, просто имитировались или носили в большей степени декларативный характер.

Второй этап – уже с начала 2000-х гг. – по сути характеризовался постепенным реваншем институциональной X-матрицы, типологически связанной с концептом «восточной деспотии», где в экономике резко повысилась роль государства и укрепились позиции корпуса высокопоставленных чиновников, в политической сфере была усилена вертикаль власти, которая фактически стала блокировать номинально существующий в стране федерализм, а также резко стала доминировать одна политическая партия, в идеологии были усилены холистские тренды на патриотизм, коллективизм и групповые ценности особого (уникального) пути России.

В настоящее время, т. е. особенно после присоединения Крыма и осложнения отношений с США и Евросоюзом, можно констатировать максимальное воздействие институтов X-матрицы во всех сферах функционирования российского общества, которое, однако, происходит на фоне экономического кризиса. Поэтому можно говорить о том, что тотальное огосударствление национальной системы управления при повышении уровня идеологизации всего общества и активном противодействии правящих элит демократизации страны близко к собственному пределу.

Каким бы путем в дальнейшем ни развивалось российское общество, в ближайшее время национальной российской системе государственного управления потребуется активно использовать институциональные практики менеджмента, характерные для Y-матрицы. Сложившаяся ситуация еще в большей степени актуализирует реальную потребность в демократизации и федерализации страны, легитимизации нового классового компромисса, выдвижении задач по либерализации экономики, рационализации действий власти при условии усиления контроля со стороны гражданского общества.

Литература

References

1. Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999. 152 с.
2. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 656 с.
3. Воденко К.В. Культурно-мировоззренческие аспекты взаимосвязи власти, собственности и управления в российском обществе // Социодинамика. 2017. № 4. С. 59–67.
4. Воденко К.В., Иванченко О.С. Служебный труд в структуре социально-экономической деятельности россиян // Тренды и управление. 2017. № 5. С. 13–22.
5. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. М.: Новый хронограф, 2016. Т. 2. 490 с.
6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 346 с.
7. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010. 527 с.
8. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004.
9. Vodenko K.V., Rodionova V.I., Shvachkina L.A. Perspectives of Development of the Russian National Socio-Economic and Political Model // Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global
1. Bessonova O.E. Razdatok: institutsional'naya teoriya khozyaystvennogo razvitiya Rossii. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN, 1999. 152 p.
2. Veber M. Izbrannoe: protestantskaya etika i dukh kapitalizma. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 656 p.
3. Vodenko K.V. Kul'turno-mirovozzrencheskie aspekty vzaimosvyazi vlasti, sobstvennosti i upravleniya v rossiyskom obshchestve // Sotsiodinamika. 2017. № 4. P. 59–67.
4. Vodenko K.V., Ivanchenko O.S. Sluzhebnyy trud v strukture sotsial'no-ekonomicheskoy deyatel'nosti rossiyan // Trendy i upravlenie. 2017. № 5. P. 13–22.
5. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki): v 2 t. M.: Novyy khronograf, 2016. T. 2. 490 p.
6. Kirdina S.G. Institutsional'nye matrity i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 346 p.
7. Nureev R.M., Latov Yu.V. Rossiya i Evropa: effekt kolei (opyt institutsional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiya). Kaliningrad: RGU im. I. Kanta, 2010. 527 p.
8. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004.
9. Vodenko K.V., Rodionova V.I., Shvachkina L.A. Perspectives of Development of the Russian National Socio-Economic and Political Model // Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global

Crisis Management / E.G. Popkova (ed.). Volgograd: International Publishing AG, 2017. P. 423–428.

10. *Lebenstein H.* General X-efficiency Theory and Economic Development. N.Y.: Oxford University Press, 1978.

11. *North D.C.* A Framework for Analyzing the State in Economic History // Explorations in Economic History. 1979. № 16. P. 249–259.

12. *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y.: Northon, 1981.

13. *Parsons T., Smelser N.* Economy and Society. N.Y.: Free Press, 1956.

14. *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union Communism and Nationalism. 1917–1923. Cambridge: Harvard University Press, 1972.

15. *Polanyi K.* The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.Y.: Academic Press, 1977.

Crisis Management / E.G. Popkova (ed.). Volgograd: International Publishing AG, 2017. P. 423–428.

10. *Lebenstein H.* General X-efficiency Theory and Economic Development. N.Y.: Oxford University Press, 1978.

11. *North D.C.* A Framework for Analyzing the State in Economic History // Explorations in Economic History. 1979. № 16. P. 249–259.

12. *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y.: Northon, 1981.

13. *Parsons T., Smelser N.* Economy and Society. N.Y.: Free Press, 1956.

14. *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union Communism and Nationalism. 1917–1923. Cambridge: Harvard University Press, 1972.

15. *Polanyi K.* The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.Y.: Academic Press, 1977.

Поступила в редакцию

20 ноября 2017 г.